

УДК 82-94

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ II. «НЕИСТОВЫЕ» ЧЕРТЫ РОМАНА-ФЕЛЬЕТОНА**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Россия
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Фредерик Жозеф де Базанкур вошел в историю как романист, военный корреспондент, историк Крымской войны. Во второй части предлагаемой статьи рассматривается литературная деятельность барона де Базанкура конца 1830-х – начала 1840-х гг. В этот период автору удалось наладить сотрудничество с известными периодическими изданиями: «La Presse», «Le Figaro», «Le Messager des Chambres», «La Sylphide». Помимо театральных обзоров, Базанкур размещал здесь свои беллетристические тексты. Анализ этих произведений демонстрирует, что писателю были не чужды художественные эксперименты в направлении бытописания и реалистической типизации, но в целом он оставался приверженцем принципов «неистового» романтизма. Значительное влияние на его произведения оказали жанровые требования романа-фельетона, характерные для «серийной продукции» вообще. Этот период творчества позволил барону де Базанкуру расширить связи в мире журналистики и литературы, сделал его имя известным широкому кругу читателей, но не позволил ему подняться выше уровня беллетристики второго плана.

Ключевые слова: барон де Базанкур, роман-фельетон, неистовый романтизм, физиологический очерк, цикл повестей.

ВВЕДЕНИЕ

В первой части статьи [9] мы выяснили, что Фредерик Жозеф Лека де Базанкур (более известный как *барон де Базанкур*), был отпрыском дворянских семейств. Его мировоззрение формировалось во многом на основе интеллектуальных традиций французской аристократии XVIII в., что предопределяло его литературные интересы, политические взгляды и круг общения. Первым серьезным литературным опытом Базанкура был роман «Летучий эскадрон королевы (1560)», выпущенный в 1836 г. [29] и посвященный эпохе Екатерины Медичи. Ориентируясь на открытия романтической литературы, автор пытался совместить в этом довольно объемном произведении исторический и вымышленный сюжеты и подсказать читателю некие историософские выводы. Роман не стал художественным открытием: повествовательное единство не было абсолютным, нарративная тактика обнаруживала неожиданные и существенные перепады, историческая концепция не отличалась актуальностью. Но при всем том в тексте были динамичные и увлекательные сцены, порою довольно красочно представлялся исторический колорит, стиль изложения в целом был легким и изящным. Так что роман встретил в целом благожелательный прием у публики, и это, надо полагать, воодушевило молодого автора на дальнейшую литературную деятельность. В ближайшие годы барон де Базанкур будет сотрудничать со многими периодическими изданиями и выпустит в свет целый ряд художественных произведений. Цель настоящей статьи – выявить художественные принципы, которыми руководствовался барон де Базанкур в конце 1830-х – начале 1840-х гг. при создании произведений в жанре нового и чрезвычайно популярного в ту пору романа-фельетона.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Victor Bonin, или «Приключения» одного псевдонима

Итак, роман «Летучий эскадрон королевы» принес барону де Базанкуру первую литературную известность. Следующий этап его литературной биографии, который удается отследить, – период активного сотрудничества с газетами на рубеже 1830-х – 1840-х гг. Бельгийский исследователь Мишель Брикс указывает, что в 1838 г. Базанкур писал «Хроники парижской жизни» для газеты «Le Messenger des Chambres» (или «Le Messenger», как ее чаще называли). В том же издании Базанкур помещал исторические повествования и статьи о театре [38, р. 202]. При этом «Хроники...» Базанкур подписывал литерой «В...» (или «В») [38, р. 194], а театральные статьи – псевдонимом Victor Bonin. С этим псевдонимом при жизни Базанкура возникла путаница, которая на протяжении ряда лет вызывала дополнительный интерес к его личности, а сегодня помогает оценить степень «узнаваемости» писателя в начале его карьеры, и на этом стоит остановиться подробнее.

В 1845 г., пожалуй, самый известный библиограф того времени Жозеф-Мари Керар опубликовал небольшой справочник «Переодетые авторы французской литературы XIX века: библиографический очерк в дополнение к исследованию А.-А. Барбье о псевдонимах». Значился здесь и барон де Базанкур. Казус, однако, в том, что Керар принял истинное имя за псевдоним, а псевдоним – за имя. Так и получилось, что «де Базанкур» – это псевдоним Виктора Бонона [«Bonon (Victor)»] [56, р. 21, 60].

В 1847 г. Жозеф-Мари Керар начал издание уже 5-томного словаря псевдонимов «Разоблаченные литературные обманы» (1847–1856). Здесь была представлена более подробная информация о Базанкуре, но Керар все так же оставался в убеждении, что истинное имя литератора – Виктор Бонон. Более того, составитель высказал догадки о происхождении «псевдонима» «Базанкур»: «Является ли это литературное имя чистой фантазией или это название родины литератора? У нас во Франции есть два селения под названием Базанкур: одно – в департаменте Уаза, а другое – в департаменте Марна» [57, р. 92].

Этот и другие просчеты Керара сразу были замечены библиографом и журналистом Огюстом Витю, который в начале 1848 г. на страницах еженедельной газеты «La Silhouette» довольно едко раскритиковал первые тома выпущенного Кераром указателя, подписав при этом свою рецензию псевдонимом «Le Rat». Среди прочего, О. Витю саркастично назвал информацию о Базанкуре «маленькой клеветой» и отметил, что «барон де Базанкур» – имя настоящее [58, р. 37–38].

Чтобы объективно оценить дальнейшую реакцию Керара, следует понимать, что его труд содержал колоссальный объем информации, при котором ошибки, во-первых, неизбежны, а во-вторых, незначительны по сравнению с важностью собранных и обобщенных фактов.

О добросовестности Керара говорит, скажем, то, что, отыскивая сведения о бароне де Базанкуре, библиограф обратился к Реестру книгополучателей Королевской библиотеки, чтобы выяснить точное название должности литератора в Компьенской библиотеке. Затем Керар перечислил произведения Базанкура,

вышедшие отдельными изданиями, и ряд из них снабдил аннотациями, раскрывающими содержание этих сочинений. Керар указал также некоторые журнальные повести, упомянул о сотрудничестве Базанкура с газетой «Le Messenger» и другими газетами и даже сообщил о романе Базанкура «Thomas Grivel» [«Тома Гривель»], который лишь готовился к печати [57, р. 93]. Словом, Керар, собрал информацию, которая и в наши дни имеет немалую ценность, и объяснимо, что злые упреки в мелочных недочетах его сильно задели. Тем более что случай такого рода был не первым. Хотя Керар и зарекомендовал себя как специалист, «неутомимый в проверке дат и названий, исправлении ошибок, раскрытии плагиатов», но издание знаменитых биобиблиографических указателей доставило ему «множество врагов, еще более умножившихся» [16, с. 950] после издания указателя псевдонимов.

Впрочем, трудно представить более остроумную форму ответа, чем та, что изобрел Керар. У него в работе находился четвертый том того самого словаря псевдонимов «Разоблаченные литературные обмань». Этот том должен был содержать информацию о псевдонимах, начинающихся с литер R–Z. И Керар с полным на то основанием внес сюда псевдоним своего обидчика Огюста Витю – «Rat (Le)». Причем он не просто раскрыл истинное имя автора, но и включил в соответствующую биобиблиографическую статью свои весьма объемные ответы на замечания, сделанные Ветю в «La Silhouette» по поводу двух первых томов словаря. Не обошел вниманием Керар ошибку с Базанкуром. Прочитируем полностью, но для начала скажем, что Керар допустил «игру словами», основанную на том, что псевдоним Витю «Le Rat» буквально можно перевести как «крыса». Достаточно написать псевдоним без указания «г-н», и «г-н Ле Ра» «превращается» в «крысу», чем не преминул воспользоваться Керар:

«Характер этой критики – злоба и легкомыслие. Что до 92 страницы, которую цитирует г-н Ле Ра, то мы же сами сделали там примечание, которое помогает вскрыть ошибку, допущенную нашим сотрудником. Но и такая добросовестность не застрахована от сарказма Ле Ра. Он вовсе не признает, что “Виктор Бонон” – псевдоним, принятый г-ном бароном де Базанкуром для его театральных статей в “Messenger”; это было бы чуть ли не справедливо по отношению к нам, но мы не должны ждать этого от Крысы из “Силуэта”» [58, р. 38].

При первой возможности Керар сделал «работу над ошибками». В пятом томе словаря (1853) он акцентировал внимание на том, что Базанкур является литератором [59, р. 262], что «Лека» является частью его полного имени и что он использует псевдоним «Bonin (Vikt.)» [59, р. 262] (курсив мой. – В. О.).

В 1869 г. появилось дополненное издание словаря. Керар к тому времени уже ушел из жизни (он умер, как и Базанкур, в 1865 г.). Работу над словарем завершали последователи библиографа. В статью о Базанкуре было включено разъяснение ошибки, допущенной когда-то в отношении псевдонима:

«В результате довольно необычного недоразумения, допущенного одним из наших сотрудников, мы были вынуждены внести имя барона де Базанкура в наш перечень псевдонимов. Наш сотрудник, зная, что театральные статьи в «Messenger» за подписью «Виктор Бонин» (Victor Bonin) вышли из-под того

же пера, что и несколько прекрасных романов под именем де Базанкура, не колеблясь, принял литературное имя за настоящее, что большая ошибка. Г-н де Базанкур – племянник г-д Баранта и Моле и брат одной остроумной и скромной дамы, автора новелл столь очаровательных – "Деревенский лекарь" и других, – что любопытство заставило нас разузнать имя их автора: теперь нам известно, что мы обязаны этими произведениями изящному перу графини Луаре д'Арбувиль <...>» [60, р. 471].

Заметим, что и написание псевдонима было изменено самим Кераром в 1853 г.: «Vonin» вместо «Vonon» [59, р. 262]. Но «приключения» псевдонима этим не исчерпываются. Еще в 1850 г. на первое издание словаря псевдонимов Керара отреагировал адвокат и административный деятель из Лиля Пьер Легран. В своем благожелательном разборе он рассказывал о наиболее любопытных примерах литературной подмены имен и упоминал при этом барона де Базанкура, скрывавшегося за псевдонимом Victor Bonnin [47, р. 51; 48, р. 1; 49, р. 494]: то есть трансформировал «Vonin» в «Bonnin». Поскольку разбор П. Леграна продублировали сразу три издания [47–49], то такое написание как бы узаконилось. Видимо, именно на публикации П. Леграна опирался Жорж д'Эйи, который в 1869 г. выпустил расширенное издание собственного словаря псевдонимов, где указал, что имени «Базанкур» соответствует псевдоним «Bonnin» [45, р. 35]. Словом, в справочной литературе газетный псевдоним Базанкура бытует в трех начертаниях: «Vonon», «Vonin» и «Bonnin».

Для нас же важен тот вывод, что публикации литератора в «Le Messenger» были замечены и воспринимались как результат профессиональной деятельности театрального критика. Прибавим, что Базанкуру, кажется, удалось «ужиться» в редакции газеты, во всяком случае, ее главный редактор историк Жан-Батист Капефиг позднее признавался, что «очаровательный барон де Базанкур» являлся его другом [39, р. 157].

Первые романтические повести

В 1838 г. Базанкур сотрудничал и с газетой «Le Figaro», но без использования псевдонима. Барон де Базанкур неоднократно упоминался среди членов редакции наряду с такими известными литераторами как А. Дюма, Т. Готье, Ж. Сандо и др. [41, р. 1; 42, р. 1; 43, р. 1], причем в «Le Figaro» его перу также принадлежали театральные новости.

В 1838 г. началось и сотрудничество Базанкура с газетой Эмиля де Жирардена [6, с. 238] «La Presse», где барон опубликовал небольшую повесть «Гастон де Фуа» («Gaston de Foix») [22]. Формально ее можно было бы отнести к разряду исторических, поскольку действие разворачивается в 1389 г. Главный герой – граф Гастон де Фуа – крупный феодал, не привыкший подчиняться даже королю Франции и беспрестанно воюющий с соседями [22, № 185, р. 3]. Он типичный в литературных представлениях романтизма средневековый рыцарь – мужественный, наделенный сильным характером и безудержными эмоциями, и крайне деспотичный. Шурин Гастона де Фуа и его враг, король Наваррский, с помощью обмана старается устроить покушение, при котором малолетний сын Гастона, сам того не ведая, подсыпал бы яд

своему отцу. Однако по случайности от яда гибнет не Гастон, а его второй сын. Гастон заставляет без вины виноватого сына выдать сообщников, но тот молчит, боясь, что подозрения падут на его мать – сестру короля Наваррского. Так он и гибнет от руки Гастона, жертвуя собою ради матери. Фактически сюжет никак не связан с исторической реальностью, он лишь вмонтирован в антураж, составленный из стандартных литературных представлений о рыцарских временах: феодальные замки, суеверия и жестокость нравов.

В том же, в 1838 г., свет увидела повесть Базанкура «Всеобщий приют в Дьепе» («Hospice général à Dieppe») [26]. Она вошла в двухтомный сборник «Диамант с десятью гранями» [Un diamant à dix facettes], изданный по инициативе литератора Эдуарда Сюо де Варенна (É. Suau de Varennes) [17, p. 3]. Здесь же были помещены произведения Фредерика Сулье, Поля де Кока, Роже де Бовуара и др. известных авторов.

Сюжет повести мрачен. События разворачиваются в современную Базанкуру эпоху. Муж светской дамы, узнав об измене, приходит в ярость, граничащую с безумием. Он убивает любовника, а беременную супругу держит взаперти, чтобы оставить в тайне рождение внебрачного ребенка. Затем он разлучает родившегося младенца с матерью и отдает его в приют.

Следует отдать должное автору. Используя «перевернутую» композицию, он сумел сохранить интригу почти на всем протяжении повествования. Уверенный и изящный стиль изложения должен был импонировать читателю. В то же время заметно, что Базанкур злоупотребляет напряженными диалогами и сценами. Нестандартность ситуации, нагромождение ужасных событий – все говорило о том, что Базанкур следует канонам «неистового романтизма», который к тому времени уже не выглядел художественным новшеством, но все же сохранял свои позиции. И обратим внимание еще на одну особенность, которую встретим и в позднейших произведениях Базанкура. Это наличие нравственного вывода, который хоть и не декларируется, но все же подсказывается читателю: грех супружеской измены приводит героиню повести к «боли и раскаянию» [26, p. 269]. Все «неистовства» сюжета как бы оправдываются необходимостью такого нравственного урока.

«Последнее воспоминание»

В 1839 г. Базанкур выпустил очередной роман: «Последнее воспоминание» [35]. По существу, это цикл светских повестей, объединенных рамочной композицией и образом повествователя. Предисловием служит «письмо» к сестре, фрагмент которого целесообразно процитировать:

«Я не стану говорить тебе, сестра, как зачастую говорят иные: жизнь – грустная штука; поскольку ныне, знаешь ли, это проявление хорошего вкуса, – когда ты молод, когда тебе едва исполнилось двадцать пять, судить о жизни, как об изношенной вещи, быть уставшим от нее и смотреть на смерть, как на довольно оригинальное развлечение, позволяющее избавиться от житейской тоски. Говорящие это так не думают, а, скорее всего, и никогда так не думали; им скучно от жизни, как скучно от спектакля или бала. Бедные юноши, для рассеяния превращающие себя в преждевременных старцев.

Но я скажу тебе, сестра, тебе, знающей, что для меня это глубокая мысль, а не пустые слова: порою в жизни случаются очень жестокие дни и очень грустные часы, и на большой дороге жизни не в нашей воле избежать того, что тебя ранит, не в твоей воле заглушить в тишине боль полученной раны» [35, т. 1, с. VIII–IX].

Этот пассаж – интересное отражение перелома, который происходил в литературе. Романтизм уже давно канонизировал «разочарованного героя» как исключительную личность. В ответ реальность демонстрировала, с одной стороны, моду на подражание «разочарованному герою», а с другой – объективное существование условий, позволявших значительной части общества пресытиться благами светского существования и в них разочароваться. Скучающий юноша-аристократ оказывался не исключительным явлением, а распространенным социальным типом. Складывалась ситуация, когда и романтическая, и реалистическая литература повествовали о «разочарованных героях», но «герои» эти были разными. Писателю, ступившему на путь реалистической типизации, приходилось пояснять читателям, что его персонаж – не воспетая романтической литературой исключительность, а обыденное явление реальности – «добрый приятель» автора (как у А. С. Пушкина) или «современный человек», которого автор «слишком часто встречал» [3, с. 6] (как у М. Ю. Лермонтова).

Но и писателю-романтику теперь приходилось пояснять читателям, что его «герой» не распространенный общественный типаж, а личность, выделенная из людского потока незаурядностью индивидуальных способностей, чувств или обстоятельств. Романтический «разочарованный герой» все более воспринимался публикой либо как атрибут тривиальной действительности (пусть и соотносимый отчасти с романтическими персонажами [8, с. 455–456]), либо как литературная условность, и чтобы сделать романтический образ убедительным, автору приходилось проявлять изобретательность. В данном случае Базанкур, завоевывая читательское доверие к персонажу, сам входит в роль романтического героя – сообщает сестре, что дальнейшее повествование основано на событиях его собственной жизни. По его словам, семь лет назад он был влюблен в некую леди Эмилию, однако возлюбленная относилась к нему, словно к игрушке, что нанесло ему глубокую душевную рану. Теперь после долгой разлуки он встретил ее на балу, что стало поводом поделиться на бумаге последним воспоминанием о пережитой когда-то несчастной любви.

Это «письмо сестре» – прием, рассчитанный на восприятие широкого круга читателей. Но оформлено оно со всеми атрибутами автобиографизма. Автор подписывает его своим именем – барон де Базанкур. Да и адресат узнаваем – это родная сестра писателя Луиза д'Арбувиль. Долгое время она отсутствовала в Париже, сопровождая своего мужа-офицера по гарнизонам. Однако около 1838 г. полковник д'Арбувиль был командирован в Африку [52 р. 241], куда супруга не могла последовать за ним из-за пошатнувшегося здоровья [18, р. XI]. Мадам д'Арбувиль обосновалась в Париже, устроив один из самых известных салонов, где частыми гостями были многие литераторы и аристократы [62, р. 47; 46, р. 160]. Реальность адресата и адресанта придавала повествованию вид документальности. Это был лишь

«фантом биографизма» [2, с. 457]; Базанкур таким образом размывал границу между лирическим героем и образом автора [10, с. 52], и дальнейший текст должен был восприниматься читателем как исповедь самого писателя.

Первая повесть цикла – воспоминание «автора» о событиях из «своей» жизни. Неискушенный юноша двадцати лет оказывается в загородном поместье в аристократической компании. Его наивность привлекает внимание заскучавшей красавицы леди Эмилии, которая пробуждает в поэтичном юноше нежное чувство. При встречах в уединенном парке он читает ей рукописи из своего альбома, а по желанию леди Эмилии назначается крайний срок этих невинных свиданий – пока альбом не окажется заполнен его сочинениями. Всякую ночь он пишет очередной фрагмент, чтобы днем прочесть его возлюбленной. Неожиданно происходит разрыв: юноша случайно услышал признание леди Эмилии, что для нее эти отношения были лишь способом развеять скуку. Он расстается с ней, но в память альбом сохранил две написанные для нее повести, которые теперь и выносятся на суд читателей.

Одна из них носит название «Стефано» – по имени главного героя. Он итальянец, который рано осиротел и познал ужасные тяготы нищеты и одиночества. Это воспитало в нем трагизм мироощущения и благородство характера. Он получает место наставника в дворянском имении, где встречает самый теплый прием. Задачу воспитания воспринимает с готовностью к самоотречению: «Я ограничу все свое будущее воспитанием этого маленького ребенка; моим единственным счастьем будет направить его сердце к добру и добродетели <...>» [35, т. 1, с. 136]. Однако его ждет испытание: он полюбил мать своего воспитанника графиню Альберту – «наивную молодую женщину, вся жизнь которой прошла чистой, как жизнь ее ребенка» [35, т. 1, с. 156]. И Стефано принимает самоотверженное решение – любить ее тайно и бескорыстно.

Между тем в доме появляется новый персонаж – парижский повеса маркиз д'Эскарвиль, который пытается соблазнить Альберту. Теперь миссия Стефано – защитить добродетель возлюбленной и мир ее семьи. Противостояние с маркизом он воспринимает как борьбу нравственных начал: «<...> Ты хочешь потерять эту женщину, а я хочу ее спасти; это рукопашная схватка добра и зла; я добрый ангел, а ты злой гений» [35, т. 1, с. 156]. Наконец, Стефано приходится идти на крайнюю жертву – перед супругом Альберты он берет на себя чужую вину за любовные послания к ней. Следует поединок, но поскольку муж Альбертины почти слеп, то в место него со Стефано стреляется маркиз д'Эскарвиль – истинный виновник драмы. Стефано получает смертельную рану, но успевает своими предсмертными словами вызвать раскаяние в душе маркиза. В результате Стефано умирает на руках сохранившей добродетель Альбертины, а маркиз навсегда покидает ее дом.

Некоторые моменты автору явно удались. Скажем, борьба в душе Альбертины, когда забота о больном ребенке вытесняет мысли о маркизе д'Эскарвиле, показана с психологической убедительностью. С достоверностью изображены, например, эмоции маркиза во время дуэли. Вид раненного противника вызывает в его сознании мгновенный переворот: «Артур испустил невольный крик и тем инстинктивным движением, которое так часто гасит ненависть перед лицом текущей крови, бросился к Стефано, чтобы помочь ему» [35, т. 1, с. 311]. Однако в целом психология героев и

логика обстоятельств подчинены лишь авторской воле, а не природе вещей. Так и остается не ясным до конца, каким образом готовность Стефано взять на себя чужую вину могла защитить репутацию графини. Очевидно, что этот момент необходим автору лишь для того, чтобы добиться главной цели – показать высший образец мужского самоотречения ради возлюбленной. Диалоги в повести зачастую затянуты, и особенно это касается напряженных сцен. Скажем, предсмертные речи Стефано, обращенные к Альбертине и маркизу д'Эскарвилю, занимают более десятка страниц [35, т. 1, с. 323–335] и перемежаются описанием чисто театральной жестикуляции. Однако в сознании читателя все эти недостатки должны были оправдываться тем, что, в соответствии с изначальной установкой повествователя, произведение это писалось экзальтированным двадцатилетним юношей исключительно для своей возлюбленной.

Далее в книге следовала еще одна повесть «из альбома» – «Любовь и тщеславие». Главный герой – юноша из большого света Адольф, который ради выгодного брака бросает возлюбленную – бедную девушку Мари. Она молит господу о смерти, и в это время некая сверхъестественная сила предлагает ей сделку: она получит внешность древней старухи, но если найдется человек, который «будет любить ее для себя, а не для других» [35, т. 2, с. 69], то в глазах этого человека ее юность и красота возродятся. Привлечение подобных элементов фантастики не являлось в ту пору революционным приемом; достаточно вспомнить написанный несколькими годами ранее роман «Шагреновая кожа». И все же этот поворот сюжета открывал перед автором возможность любопытных психологических экспериментов и, наверняка, должен был заинтриговать читателя.

В облике старухи Мари встречает Адольфа, терзаемого тоской по оставленной им возлюбленной. В беседах с Мари он чувствует духовное родство с ней, и в нем просыпается чувство, которое позволяет ему видеть Мари в ее прежнем очаровании юной красоты. Между тем их взаимное счастье длится недолго. В глазах общества Мари все так же выглядит старухой, что рождает постоянные насмешки над Адольфом. Он отчаянно борется с уязвленным тщеславием, дерется на дуэли, но Мари чувствует, что противостояние с обществом делает его несчастным. И тогда она вспоминает о второй части фантастической сделки: на какой-то миг она может предстать перед обществом в прежней красоте, но после этого неизбежно умрет. В результате она жертвует собой: на балу при изумленной публике танцует с Адольфом в образе юной прекрасной Мари, и тут же умирает.

Итак, цикл повестей «Последнее воспоминание» объединен мыслью о безграничном самопожертвовании. Но вот любопытная деталь. За последней повестью цикла следует еще одна повесть с предуведомлением от издателя, что он по своей воле решил завершить том текстом того же автора, где читатель найдет «ту же наблюдательность, то же истинное чувство, энергию и жар стиля, <...> которые отличают талант этого писателя» [35, т. 2, с. 299]. Такое вмешательство в авторский замысел, конечно, объяснялось чисто издательскими соображениями (желанием дотянуть том до нужного объема) и могло вызвать диссонанс между текстами. Диссонанса, однако, не было.

«Дополнительная» повесть называлась «Смертельная тайна». Предсказуемо, что эта «тайна» сопровождает жизнь главного героя – Дэвида, учительствующего в Германии. Его связывает взаимная любовь с юной Дельфиной. Однако это чувство приносит им лишь горечь, поскольку есть некие обстоятельства, в которых Дэвид не может признаться любимой, но которые делают невозможным их счастье. В конце концов, выясняется, что Дэвид – бывший французский военный, разжалованный в 1828 г. за рукоприкладство в отношении своего начальника и всю жизнь вынужденный скрываться. В финале повести он покончил с собой, чтобы тень от его преступления не пала на Дельфину.

Словом, во главе угла – все тот же мотив жертвенности ради любимого человека, так что эта повесть вполне согласовалась со всеми элементами цикла «Последнего воспоминания». Автору достаточно было внести минимальные изменения в «рамочный» сюжет, которым открывается первый том (указать, что для леди Эмили было написано не две, а три повести), чтобы эта повесть «вписалась» в цикл совершенно органично. Но, видимо, к моменту написания «Смертельной тайны» первый том уже был напечатан, а потому и пришлось «присоединять» новую повесть к циклу механически – посредством издательского уведомления. Это выглядело некоторой натяжкой, но все же двухтомник «Последнее воспоминание» был принят критикой благосклонно.

«Le Courrier français», анонсируя роман, предрекал ему «блестящий успех», поскольку читатель найдет в нем «могучие страсти, энергичный стиль, достоверность деталей и расточительное богатство новых и оригинальных идей» [50]. Обозреватель парижского еженедельника «Outre-mer» Луи-Ксавье Эйма был еще более красноречив:

«Это история сердца, изложенная изящным и возвышенным слогом <...>. Это любовь одновременно и земная – по желаниям и страстям, и небесная – по высокой жертвенности и чудесной преданности. Эта любовь подобна ангелу-хранителю, который укрывает своими белыми крыльями женщину и бережет ее от всякой скверны, от ядовитых укулов, направляет ее не грубым инстинктом ревности, а божественной любовью. <...> Сейчас книга г-на де Базанкура имеет истинный успех в салонах; в особенности дамы, чье сердце столь восхитительно поэтизировано в этой книге, приникают к ее страницам, и многие омывают их слезами» [40].

По наблюдению Ж.-М. Керара, о романе «благосклонно отзывались почти все столичные газеты» [55, p. 215]. Пожалуй, нельзя исключать, что такой результат мог отчасти объясняться действием т. н. «samaderie littéraire». Это выражение, очень удачно переведенное В. А. Мильчиной как «литературная приязнь» [7], обозначало похвалу в прессе по субъективным мотивам. А поскольку связи Базанкура в мире журналистов к тому моменту уже были довольно обширны, то он, наверное, мог рассчитывать на приятельскую поддержку критиков. Но так или иначе, а роман (или цикл повестей) должен был считаться успешным, и это явно воодушевило автора. Его повести довольно часто появлялись на страницах периодической печати. В газете «Le Messager des Chambres» были помещены «Пастух» [Chevtier] и «Портрет женщины» [Portrait de femme] [55, p. 215]. Регулярно продолжала печатать Базанкура «La Presse». Автор расширял свои литературные знакомства, и здесь следует особо сказать о сотрудничестве с известным издателем и редактором Ипполитом де Вильмессаном.

О жертвах «роковых страстей»

В тот период Вильмессан только начинал издательскую и журналистскую карьеру. Осенью 1939 г. он выпустил первый том основанного им журнала мод, литературы, театра и музыки «Сильфида» («La Sylphide»). Редактор сразу проявил способность привлекать к сотрудничеству самых популярных авторов. Интересно, что уже со второго тома Базанкур начал публиковаться в «Сильфиде», и Вильмессан, имевший обыкновение сопровождать каждый том редакторским обращением к читателю, упоминал барона среди литературных знаменитостей, обогативших содержание журнала. И поскольку Базанкур часто печатался в «Сильфиде» [20; 21; 27; 34; 36; 37], то читатель регулярно встречал его имя в одном ряду с именами Альфонаса Карра, Жюля Сандо, Фредерика Сулье [63, р. 2], Леона Гозлана, Эммануэля Гонсалеса [64, р. 2], Роже де Бовуара, Теофиля Готье [65, р. 2], маркиза де Сальво, Александра Дюма [66, р. 2] и мн. др.

Базанкур дебютировал в «Сильфиде» в 1840 г. небольшой новеллой «Подвенечное платье» [36], выполненной в форме «светской были». Главный герой – юный аристократ Артур бросает возлюбленную – бедную девушку Мари ради невесты из своего круга. Его мучают угрызения совести, а подвенечное платье, сшитое Мари, по странному стечению обстоятельств постоянно преследует Артура как символ его вины перед возлюбленной. Мари умирает, не вынеся душевного удара. Невеста Артура узнает ее историю. Свадьба Артура состоялась, но гибель Мари ложится трагической печатью на судьбу молодоженов.

Нагнетаемый трагизм превращался для Базанкура в основной эстетический принцип, и интерес редакций к писателю косвенно говорит о популярности его произведений. Публика той поры ждала трагических развязок, и авторы конструировали их в избытке. Однако всякая трагическая коллизия требует указания или хотя бы намек на ее причину. Как мы могли уже заметить, у Базанкура в качестве таких причин, как правило, выступали греховная страсть или светское небрежение к морали. Наряду с этим востребованным оказывался и мотив рока. Это касается, скажем, повести «Луиза Дальмар» [30], опубликованной в газете «La Presse» в 1840 г. Сюжет очень напоминает пушкинскую «Метель»: юные влюбленные задумали обвенчаться тайно от родителей, но этому мешает случайность, надолго разлучающая их. Их сводит случай, но, в отличие от «Метели», развязка трагична. Главная героиня уже замужем, а главный герой не находит в себе сил снова расстаться с ней. В результате муж героини, человек достойный и нежно ее любящий, заканчивает самоубийством, она – до конца дней обречена испытывать чувство вины, ее несостоявшийся жених покидает родину.

Одна из газетных повестей Базанкура даже перешагнула французские границы и была переведена на русский язык. В сентябре 1840 г. писатель поместил в «La Presse» повесть «Елена. История одной оперной ложи» [23]. В том же году она была перепечатана на языке оригинала российским журналом «Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts» («Иностранное обозрение литературы, наук и искусств») [25]. Это было довольно известное издание, выходившее с 1832 г. и весьма оперативно печатавшее иностранные литературные новинки [14, с. 341]. Но еще более показательным, что в том же 1840 г. «Отечественные записки» успели

опубликовать перевод этой повести [1]. Легко понять, что привлекало в ней издателей. Базанкур уже успел выработать изящную манеру письма, которая превращала повествование в образцовое подобие остроумной светской беседы. И неслучайно Базанкур зачастую (и в этой повести тоже) вводил в текст образ светского рассказчика, из уст которого читатель узнавал очередную занимательную, таинственную и трагичную историю из великосветской жизни. Итак, перед читателем раскрывалась тайна графини Елены. Ей 20 лет, и она замужем за 50-летним суровым генералом, который, впрочем, относится к ней с искренней нежностью. Спокойствие ее жизни нарушается взаимным чувством любви, которая вспыхивает между нею и молодым генеральским адъютантом. Оставаясь верной супружескому долгу, она отчаянно борется с чувством и убеждает адъютанта покинуть страну, на что тот благородно соглашается. Последняя их встреча происходит в опере, где этим вечером давали «Гугенотов» Джакомо Мейербера. Адъютант случайно слышит от зрителя-незнакомца оскорбительные домыслы в отношении графини, вызывает клеветника на поединок и погибает. Елена страдает, а опера «Гугеноты», во время которой произошла роковая ссора и в сюжете которой есть сцена поединка, превращается для нее в мучительное напоминание. Между тем генерал, поверив светским наветам и подозревая жену в измене, изобретает жестокий род наказания: он принуждает графиню отправляться в оперу всякий раз, когда там дают «Гугенотов». В результате этой изощренной психологической пытки здоровье Елены надламывается, и она умирает.

Это «взвинчивание» страстей было в русле моды. Современный исследователь В. Г. Мехтиев отмечает, что в конце 1830-х – начале 1840-х гг. «Отечественные записки» напечатали целый ряд подобных французских произведений и приходит к выводу, что причина тому – «необычайная популярность в 1840-е годы переводных “неистовых” романов» [5, с. 28]. Критиков это наталкивало на вопрос о том, имеет ли нарочитое изображение страданий, ужасов и зла «глубокое нравственное значение» [5, с. 28]. Нет сомнений, что размышлял об этом и Базанкур. Именно поэтому почти всякое его произведение включало мотив расплаты за грехи, и это в какой-то мере оправдывало изображение страданий. Но это и рождало ощущение явного упрощения, банальной нравоучительности, которая в 40-х гг. XIX в. могла восприниматься как некоторая архаика. И Базанкур искал более убедительное «нравственное значение».

Между «неистовым» каноном и реальностью

Уже в «Истории одной оперной ложи» просматривалась мысль, что причиной трагедии послужила не только жестокость генерала, но и обширное, общественное зло – разрушительное действие светской клеветы. В 1841 г. Базанкур делает эту проблему ключевой в повести «Мадмуазель Сенневиль» [32].

Эта повесть – переосмысление известного нравоучительного сюжета. Заглавие повести – «Мадмуазель Сенневиль» – отсылало к роману «Граф де Вальмонт, или Заблуждения разума» [44], опубликованному в 1774 г. священником Филиппом-Луи Дераром. Это была история аристократа, который, вступая в борьбу с соблазнами и собственными слабостями, ищет путь к религии. Роман был популярен и

переиздавался множество раз, в том числе и в первые десятилетия XIX в. Кстати, в переводе многократно издавался в России.

У Ф.-Л. Дерама мадмуазель Сенневиль – сирота, которая находит приют в доме графа и графини Вальмонт. Графиня испытывает к ней искреннюю дружескую привязанность, а граф – страсть, которая может разрушить семью. Однако благочестивая добродетель Сенневиль, самоотверженное терпение и великодушные графини Вальмонт, отеческие советы людей старшего поколения позволяют сохранить святость супружеских уз и честь мадмуазель Сенневиль. Это была своего рода идеальная программа противостояния греховным побуждениям, результатом которой закономерно должна была служить счастливая развязка.

Базанкур переносит действие в современность и радикально перекраивает сюжет. У Базанкура мадмуазель Амели Сенневиль – главная героиня; она сирота, воспитанная в монастыре. По достижении совершеннолетия поселяется в доме своей старшей сестры графини Турваль, где ее окружают теплые семейные отношения. Интрига, однако, в том, что в графиню влюблен блестящий светский юноша, постоянно посещающий дом Турвалей. Графиня, ставя во главу угла семейное благополучие и супружеский долг, полагает необходимым прервать отношения с влюбленным юношей и для решительного объяснения впускает его в свою комнату. После состоявшегося разговора юноше, чтобы не попасть никому на глаза, приходится выбираться из дома через комнату спящей Сенневиль. В этот момент его все же замечают, что становится пищей для светских толков о «любовном романе» мадмуазель Сенневиль. Девушка оказывается отторгнутой всеми, даже не догадываясь о причине такого поворота событий. Это причиняет набожной и наивной душе сильные страдания, и окончательным ударом оказывается расторжение помолвки с ее возлюбленным, который принимает за правду светскую клевету на Сенневиль. В результате девушка умирает.

Здесь уже нельзя было «списать» трагический исход на романтического «злодея», на вопиющее пренебрежение кем-то из героев к основам нравственности, на роковую случайность. Внимание сосредоточивалось на губительной социальной проблеме. И это в сочетании с умением Базанкура удачно схватить портреты характерных светских персонажей, живо передать обыденные светские диалоги противопоставляло повесть романтическим штампам и должно было побуждать к анализу реальности.

Хорошо известная Базанкуру действительность светской жизни «просилась под перо» в достоверном отражении, а романтические преувеличения мешали этому. И порою заметно, что автор искал возможность снизить накал трагичности, не теряя при этом эффект занимательности и нравственного урока. Речь, в частности, идет о повести «Игра кокетки» [27], опубликованной в «Сильфиде» в 1840 г. Любопытно, что автор здесь перерабатывает свой собственный сюжет, легший в основу рамочной части цикла «Последнее воспоминание» (1839). Экспозиция та же: компания светских людей живет в загородном поместье и находится в постоянном поиске средств развеять скуку. Среди них есть юноша-поэт, чуждый общему веселью – Родольф, и молодая красавица-вдова – леди Алисия, ради забавы решившая разбудить страсть в его сердце.

Далее начинаются значительные расхождения с прежней интерпретацией сюжета. Лирическая составляющая Базанкуром полностью исключается: главный герой уже не ассоциируется с личностью автора; внимание не фокусируется на переживаниях главного героя, а обращено к психологии всех участников интриги, в которую втянуты дополнительные персонажи. Завязкой служит «заговор» женской части компании: дамы бьются между собою о заклад, что леди Алисии удастся победить холодность поэтичного юноши. В результате к желанию Алисии рассеяться примешивается тщеславие. Алисия организовывает «случайные» встречи с Родольфом. Поначалу успехи ограничиваются лишь тем, что ей едва удается отвлечь его от чтения книги (кстати, эта книга – «История России» [27, с. 46]), но постепенно в сердце Родольфа рождается глубокое чувство.

На этом этапе в «игру» вмешивается друг Родольфа, знаток светских нравов и женского кокетства, Леон де Мальвиль. Догадавшись, что Родольф превращен в жертву интриги, угрожающей превратить юношу в объект насмешек, Леон разоблачает «женский заговор», чем ставит леди Алисию в крайне щекотливое положение. Завершается история тем, что у великосветской «кокетки» остается единственный способ сохранить лицо – согласиться на замужество с влюбленным в нее Родольфом. Повесть, таким образом, завершается благополучно, причем автору удается сохранить «назидательный эффект». Впрочем, Базанкур, кажется, не был окончательно уверен в действенности этого «эффекта» без применения трагических «подтверждений». Потому он вводит в повествование небольшой вставной рассказ о некоем приятеле Родольфа, который стал жертвой кокетства и от разочарования сошел с ума. В целом же повесть ориентировалась не столько на изображение «роковых страданий», сколько на психологический анализ, который хоть и дотягивал до бальзаковской манеры, но все же был более проработанным, нежели в прежних произведениях писателя.

Это было следствием общего интереса французской литературы начала 1840-х гг. к бытописанию. В «объектив» писателей попадали характерные типажи Парижа, провинций, дальних колоний. Базанкур был знатоком высшего света и именно в этом качестве отдавал дань актуальному литературному веянию. В 1841 г. он поместил в «Сильфиде» очерк «Великосветская любовница», который, судя по рассуждениям самого автора, следует отнести к категории «физиологических»:

«Типы и физиологии сыплются отовсюду. Никому не скрыться. Самый великий и самый малый, самый блестящий и самый незаметный – всяк должен попасть в эту галерею и явить там свой лик. Забвение – лишь слово, а уединение – лишь мечта. В этом году солнце одинаково освещает всех, но среди этих типов есть один, которому, кажется, удалось скрыться, остаться в стороне, скрестив руки под покровом, за который еще не заглянул ни один любопытный.

Великосветская любовница. Вот характер – туманный, неясный, насыщенный тысячей оттенков, – который трудно понять и подвергнуть анализу» [37, р. 404]

Далее автор выводит типичные черты этого характера: тщеславие, диктующее логику всех поступков; кокетство, обусловленное этим тщеславием; лицемерие как

тактика кокетства; совершенное равнодушие к искренним чувствам, которые испытывает жертва кокетства.

Этот физиологический очерк не стал переломной вехой в творчестве Базанкура. Писатель лишь испробовал силы в новом жанре, не отдав предпочтения физиологическому бытописанию. Таков был характер беллетриста: всякий эксперимент не заставлял его покинуть привычную художественную колею, а лишь добавлял в художественный арсенал новые подходы. Потому в некоторых его произведениях совмещались контрастирующие творческие установки. Это, в частности, касается повести «Положение обязывает», опубликованной в 1843 г. в «La Presse» [33]. Главная героиня – 16-летняя Алиса, дочь обедневшего бретонского барона – решается выйти замуж за богатого старца, чтобы спасти отца от разорения. Но поскольку ее сердце уже принадлежало другому, то семейная жизнь превращается для нее в пытку, и Алиса медленно увядает. Встретив снова своего возлюбленного, она не может бороться с чувством и решается бежать с ним, но, осознав тяжесть общественного осуждения, которое обрушится на нее и на фамильную честь, принимает смертельный яд.

Очевидно, что Базанкур касается проблемы, имеющей социальное расширение: кастовые предрассудки сильнее, чем страх смерти, пугают более, чем грех самоубийства. Но читателю трудно разглядеть типичность изображенной ситуации, поскольку повествование насыщено неординарными для реальности эпизодами. Так, еще детская любовь Алисы к юноше Анри вспыхивает после того, как он спасает ее от разъяренного быка. После замужества Алисы Анри «предчувствует», что ее здоровье рано или поздно потребует врачебной помощи, и лишь на этом основании тратит несколько лет на обучение лекарскому искусству. В дом Алисы Анри попадает под видом врача и под вымышленным именем, хотя объективные причины для такой конспирации указать трудно. Наконец, повесть перенасыщена затянутыми и высокопарными драматичными диалогами, которые сопровождаются театрально выраженной жестикуляцией персонажей. Таким образом, трагическая развязка начинает видеться, скорее, как результат исключительных обстоятельств и театрализованных страстей, нежели следствие властвующих обществом предрассудков; сюжетная коллизия подталкивала к параллелям с действительностью, а романтические штампы уводили от действительности.

Художественная копилка

Манера Базанкура – пускать в ход все, что однажды было удачно апробировано, – превращало его творчество в пестрый набор довольно разнородных элементов. Это демонстрирует, например, его двухтомный сборник из четырех повестей «Рядом со счастьем» (1845) [19].

Действие первой повести, название которой вынесено в заглавие всего двухтомника, разворачивается вдали от цивилизации – в Пиренеях. Молодой путешественник-аристократ падает со скалы во время грозы, но ему на выручку приходит местный пастух. Так израненный юноша находит приют в горной хижине, где о нем заботится дочь пастуха Розина. Излечившись от ран, путешественник воспользовался доверчивостью девушки, но вскоре покинул ее, разрушив мирное

существование горцев. Далее автор развивает тему благородной местности. Через несколько лет пастух случайно снова встречается аристократа и, решаясь на возмездие, заманивает его на край ущелья. Происходит жестокая схватка, в результате которой оба противника погибают, сорвавшись в пропасть.

В следующей повести – «Замок Алтендорф» – действие разворачивается в конце XVIII в. в Германии. Хозяин замка граф Шварцберг дает приют сыну своего давнего друга, попавшего в заточение по наветам врагов. Поскольку юношу разыскивают власти, он переодевается в женское платье и выдает себя за племянницу Шварцберга. Через какое-то время юноша начинает испытывать любовь к дочери графа. Благородное сердце молодого человека не позволяет ему долго скрывать свои чувства и тайну имени, и он раскрывает секрет не только возлюбленной, но и своим гонителям. Последнее делается с явным противоречием здравому смыслу (поскольку юноше грозит тюрьма), но, тем не менее, демонстрирует благородный порыв героя. Финал, впрочем, оказывается счастливым благодаря стечению обстоятельств: с отца юноши снимаются ложные обвинения, после чего самому юноше и его любви более ничто не угрожает.

Третья повесть открывает второй том сборника «Рядом со счастьем», имеет все атрибуты и черты самостоятельного произведения, но не озаглавлена автором. Условно будем называть ее по именам главных героев – «Женни и Эдмон». Эдмон находится в тюрьме за участие в восстании, и лишь поддержка со стороны Женни позволяет ему сохранять силу духа. Между тем выясняется, что Женни некогда оказалась жертвой соблазителя, что стало тяжелым моральным ударом для ее набожной матери. И вот через долгое время после этого события у одра умирающей матери и по ее настоянию Женни дает обет посвятить жизнь искуплению невольного греха. Как только Эдмон выходит на свободу, Женни во имя данного матери обещания оставляет мирскую жизнь, навсегда отправляясь в монастырь, то есть жертвует любовью ради вынужденной клятвы.

Главная героиня повести «Луиза» – деревенская девушка, оказавшаяся в Париже и получившая светское воспитание. Превратности судьбы ставят ее на грань гибели, однако она встречает помощь со стороны молодого аристократа Шарля. Вскоре их связывает любовь: преданная и бескорыстная – со стороны Луизы, но довольно непостоянная – со стороны Шарля, который бросает бедную девушку ради равного брака. Между тем в истории появляется еще один персонаж – деревенский парень Анри, давно влюбленный в Луизу. Ставя счастье любимой выше собственного, он добивается, чтобы Шарль все же женился на Луизе. Но, потеряв таким образом возлюбленную, сам Анри умирает от отчаяния.

Как видим, в отличие от «Последнего воспоминания», где все сюжеты были связаны идеей самоотречения ради любимого человека, сборник «Рядом со счастьем» состоит из тематически разнородных текстов. Очевидно, что он составлялся по мере «накопления» самостоятельных повестей. Свое место здесь нашли даже опубликованные прежде стихи. Еще в 1843 г. Базанкур напечатал в «Сильфиде» под своим именем элегию «*Sous les grilles de fer mon âme s'est brisée...*» [34]. Теперь он «передал авторство» своему персонажу, превратив эти стихи в поэтическую исповедь заточенного в темницу героя повести «Женни и Эдмон» [19, t. 2, p. 74–77].

Даже привычный для Базанкура трагизм не стал объединяющим началом для сборника. Среди повестей явно выделяется «Замок Алтендорф», где перипетии сюжета, диалоги и счастливый финал, достигнутый благодаря «*deus ex machina*», сильно напоминают водевиль.

Заметно, что автор стремился разнообразить «локации» сюжетов, повествовательную стратегию, композиционные приемы, но этого оказывалось недостаточно, чтобы вырваться за рамки привычного канона: новые повести напоминали те, что Базанкур публиковал пятью годами прежде.

В сетях романа-фельетона

Многие приемы Базанкура объяснялись условиями издания. Легко заметить, что почти все его произведения печатались частями в газетах или журналах и принадлежали к типу публикаций, которые принято называть романами-фельетонами. Моду на подобные публикации в ежедневной прессе, как известно, ввел Эмиль де Жерарден, начавший в 1836 г. печатать частями в своей только что открытой газете «*La Presse*» «Графиню Солсбери» А. Дюма и «Старую деву» О. де Бальзака. Опыт был столь успешен, что скоро французскую прессу охватила «настоящая фельетонная лихорадка» [4, с. 170]. Как помним, уже в 1838 г. Базанкур начал сотрудничать с газетой «*La Presse*», активно осваивая модную форму беллетристических публикаций.

Роман-фельетон не был оторван от классических традиций романного жанра, но имел выраженные особенности, присущие «серийной» продукции. Автор сталкивался с необходимостью дробить повествование на относительно равные по объему эпизоды, руководствуясь не сюжетной необходимостью, а требованиями и возможностями газетного номера. В результате некоторые части приходилось «дотягивать» до необходимого объема, например, за счет расширения диалогов. Чтобы удерживать читательское внимание к фрагментированному тексту, всякая глава романа должна была представлять собой относительно самостоятельный эпизод, включающий зерна интриги, раскрываемой в следующем эпизоде. При этом финал всякого эпизода должен был доводить читательские эмоции до высокого напряжения [15, с. 171–182]. Отсюда – перманентное «взвинчивание» страстей и перемежающиеся ситуации интриги. А поскольку читателю приходилось время от времени напоминать о содержании предыдущих частей, то в уста персонажей вкладывался рассказ об уже описанных прежде событиях, что вело к повторам [11, с. 253] и дополнительному растягиванию диалогов и монологов.

Кроме «технических» деталей, роман-фельетон отличала и еще одна важная особенность. Газетные публикации были доступны гораздо более многочисленной аудитории, нежели книги. А потому автору приходилось ориентироваться не только на искушенную аудиторию, но и на «широкого» читателя, зачастую падкого на яркие эффекты. Угодить сразу обеим читательским группам в рамках одного произведения было крайне трудно, а потому и заметно, что одни тексты Базанкура в большей степени рассчитаны на элитарную публику, иные – на широкую.

По обыкновению той поры после газетной публикации роман-фельетон издавался отдельной книгой. И Базанкур следовал этой практике, но его романы-

фельетоны были невелики по объему (по современным представлениям, соответствовали жанру повести), а потому книжные издания автора зачастую и представляли собой сборники повестей, в которых не заметно следов авторской переработки.

На творческий процесс сильно влиял и издательский ритм. Чтобы сдавать части романа-фельетона к необходимому сроку, автору необходимо поддерживать постоянный темп работы, что не только ведет к небрежностям [12, с. 133], но зачастую способно превратить творчество в литературное ремесленничество, заставляет использовать шаблонные приемы, не позволяет развить новые идеи.

Между тем литературная ситуация и читательские пристрастия менялись. И вот характерная иллюстрация. Как помним, в 1840 г. «Отечественные записки» опубликовали перевод повести Базанкура «Елена. История одной оперной ложки» [1]. Но вот в 1845 г. эта повесть во Франции вдруг снова напомнила о себе – она оказалась перепечатана со страниц «La Presse» пятилетней давности журналом «L'Écho des feuilletons» («Эхо фельетонов») [24]. Видимо, это было замечено в России, и в 1847 г. В. М. Строев подготовил собственный перевод повести, который напечатал в книжной серии «Карманная библиотека». На публикацию отреагировали «Отечественные записки», которые еще не так давно сами печатали эту повесть Базанкура. Высоко оценив качество нового перевода, рецензент «Отечественных записок», тем не менее, оказался разочарован выбором произведения: «<...> Все эти романы и повести <...> – произведения, о которых много говорится при их появлении, но ведь зато про них скоро и забывают. Такова участь всех фельетонных явлений в беллетристическом мире. Это метеоры, не поражающие вас глубоко, но занявшие на минуту праздную толпу» [13, с. 131]. Объяснимо, что повесть, вышедшая в 1840 г., в году 1847-м виделась неактуальной. Проблема, однако, в том, что беллетристическая манера Базанкура почти не менялась, напоминала вариации на прежние мотивы. Его повести 1840 г. действительно замечали. Например, опубликованную в «La Presse» «Луизу Дальмар» в 1841 г. перепечатало «Revue des feuilletons» («Обозрение фельетонов») [31], издаваемое Обществом литераторов. В том же году эта повесть вместе с повестью Базанкура из «Сильфиды» «Игра кокетки» вошла в состав авторского сборника [28]. Но позднейшие его повести все реже перепечатывались и обращали на себя внимание рецензентов.

Все это накладывалось на то, что у произведений Базанкура были и принципиальные противники. Речь, в частности, идет о редакции журнала «Bulletin de censure» («Цензурный бюллетень»). Издание готовилось аббатом Промпсо и маркизом де Мери де Монферраном и выходило под эгидой Общества священнослужителей и литераторов. Полагая, что отсутствие государственной цензуры открывает публике доступ к безнравственной литературе, редакторы задавались целью подвергать «католической и христианской критике» [51, р. 2] все литературные новинки, оценивая их с точки зрения морали [51, р. 1]. Произведения Базанкура неоднократно вызвали нелицеприятные отзывы журнала. Скажем, рассматривая цикл повестей «Последние воспоминание», рецензенты отметили, что во всех сюжетах автора «добродетель всегда несчастна» [61, р. 111], и это формирует у читателя неверное представление о жизни. Разбор сборника «Рядом со счастьем»

вовсе оказался под рубрикой «Произведения, противоречащие религии или нравам». Рецензенты усмотрели здесь «двусмысленную мораль», «вульгарность», «тривиальность» и не рекомендовали двухтомник «молодым людям» [54, р. 94]. В ту же рубрику попала и книга Базанкура «Тайны молодой женщины», подрывавшая, по мнению рецензентов, представление о священной роли брака и христианском предназначении женщины [53, р. 29]. Однако, наряду с этими специфическими упреками, рецензенты делали замечания касательно таких недостатков, которые могли бросаться в глаза широкому читателю: выпренность стиля в «Последнем воспоминании» [61, р. 111], неестественность характеров в сборнике «Рядом со счастьем» [54, р. 94] и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Барон де Базанкур ступил на поприще газетной беллетристики, когда жанр романа-фельетона находился в зените популярности, а романтическое отражение реальности еще увлекало публику. Однако с начала 1840-х гг. для «неистовых» повестей и романов фельетонного толка наступал «кризис жанра», и никакими нарративными и композиционными приемами преодолеть его было невозможно. Повести позволяли автору регулярно напоминать о себе, имели «своего» читателя, но не оставались в читательском сознании надолго и не расширяли известность литератора.

Безусловно, этот творческий этап дал барону де Базанкуру многое. Ему удалось наладить сотрудничество с ведущими изданиями, его узнали как театрального критика и плодовитого романиста, он овладел многими художественными приемами и изящным стилем изложения, его имя постоянно упоминалось рядом с авторами первой величины. Все создавало ему репутацию занимательного рассказчика, но не литературного первопроходца, делало имя барона де Базанкура хорошо узнаваемым, но не знаменитым. К середине 1840-х гг. стало очевидным, что, продолжая двигаться по тому же пути, трудно ждать более значительных достижений. Нужен был резкий творческий поворот. И барон де Базанкур, несомненно, это ощущал.

Список литературы

1. *Базанкур, барон де.* Елена. История одной оперной ложи // Отечественные записки. – 1840. – Т. XIII. – № 11. – Отд. III. – С. 15–44.
2. *Дмитриева Е. Е.* Романтический герой, герой нашего времени, лишний человек: к генеалогии образа // Мир Лермонтова. – СПб.: Скрипториум, 2015. – С. 443–466.
3. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени. – М.: АН СССР, 1962. – 227 с.
4. *Макарова П. А.* Литературная обстановка во Франции в 1840–1850-х гг.: зарождение романа-фельетона и возникновение популярной беллетристики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2017. – № 3. – С. 168–190.
5. *Мехтиев В. Г.* Эстетические и художественные грани классической традиции. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. – 140 с.
6. *Мильчина В. А.* «В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи»: об одной газетной новости 1844 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение.

7. Мильчина В. А. «Литературная приязнь» во Франции и в России: camaraderie littéraire и «знаменитые друзья» // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 145. – С. 139–157.
8. Мир Лермонтова / под ред. М. Н. Виролайнен, А. А. Карпова. – СПб: Скрипториум, 2015. – 976 с.
9. Орехов В. В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть I. Юность и первый роман // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 48–69.
10. Орехова Л. А. Образ автора и поэтика жанра: Дис. ... д-ра филол. н.: 10.01.01; 10.01.08. Симферополь, 1992. – 328 с.
11. Пахсарьян Н. Т. О литературной и социокультурной роли французского романа-фельетона XIX века // XV ежегодная богословская конф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Мат-лы докладов. Т. 2. – М.: Изд-во Православ. Св.-Тихон. гуманитар. ун-та, 2005. – С. 252–256.
12. Пахсарьян Н. Т. Французский романтизм и генезис массовой литературы // Вестник культурологии. – 2022. – № 3 (102). – С. 125–140.
13. Русская литература. Май // Отечественные записки. – Т. LII. – Отд. VI. – С. 75–134.
14. Сперанская Н. М. Периодические издания на французском языке в России в первой трети XIX века // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – Вып. 3. – С. 332–347.
15. Шейко А. А. Жанровые принципы романа-фельетона во Франции и романа-сериала в Англии // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2017. – № 6. – С. 178–189.
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том IIА (4). – СПб.: Семеновская Типолиитография (И. А. Ефрона), 1895. – 960 с.
17. Aron P. Édouard Suau de Varennes. Les Mystères de Bruxelles // Anthologie des Mystères urbains / dir. F. Katsanos, M. E. Thérenty, H. Waahlberg. – 2014. – P. 1–14.
18. Barante P. de. [Préface] «Les poésies et les récits...» // Arbouville, S. d' Poésies et nouvelles. [En 3 vols]. – Paris: Amyot, 1855. – Vols 1. – P. I–XV.
19. Bazancourt, baron de. A côté du bonheur. – Paris: Souverain H., 1845. – 2 vol.
20. Bazancourt, baron de. Couronne de fleurs // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1843. – Т. VII. – pp. 21–24.
21. Bazancourt baron de. Gardeur de buffles // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1842. – Т. VI. – pp. 241–248; 257–262; 273–282; 289–295; 305–310; 321–330.
22. Bazancourt, baron de. Gaston de Foix // La Presse. – 1838. – 4 janvier. – № 185. – P. 3–4; 7 janvier. – № 188. – P. 2–4.
23. Bazancourt, baron de. Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra // La Presse. – 1840. – 24 septembre. – P. 1–2; 25 septembre. – P. 1–2; 26 septembre. – P. 1–3; 26 septembre. – P. 1–3.
24. Bazancourt, baron de. Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra // L'Écho des feuilletons: recueil de nouvelles, contes, anecdotes, épisodes, etc...: extraits de la presse contemporaine. – Paris, 1845. – P. 5–21.
25. Bazancourt, baron de. Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra // Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts. – St. Petersburg, 1840. – Т. 36. – P. 96–129.

26. *Bazancourt, baron de.* Hospice général à Dieppe // Un diamant à dix facettes. Tome 2 / par MM. Frédéric Soulié, Paul de Kock, Roger de Beauvoir, Suau de Varennes. – Paris: Dumont, 1838. – p. 203–270.
27. *Bazancourt, baron de.* Le jeu d'une coquette // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1840. – T. III. – pp. 39–47; 52–56; 64–70; 76–80; 89–96.
28. *Bazancourt, baron de.* Le jeu d'une coquette: suivi de Louisa Dalmar. – Bruxelles; Meline, Cans et compagnie, 1841. – 220 p.
29. *Bazancourt, baron de.* L'escadron volant de la reine (1560). – Bruxelles: J. P. Meline, 1836, vol. 1–2.
30. *Bazancourt, baron de.* Louisa Dalmar // La Presse. – 1840. – 15 décembre. – P. 1–2; 16 décembre. – P. 1–3; 17 décembre. – P. 1–3; 18 décembre. – P. 1–2; 19 décembre. – P. 1–2.
31. *Bazancourt, baron de.* Louisa Dalmar // Revue des feuilletons. – Paris, 1841. – p. 214–240.
32. *Bazancourt, baron de.* Mademoiselle de Senneville // La Presse. – 1841. – 9 novembre. – P. 1–3; 10 novembre. – P. 1–2; 11 novembre. – P. 1–3; 12 novembre. – P. 1–3; 13 novembre. – P. 1–3; 14 novembre. – P. 1–3; 15 novembre. – P. 1–3; 16 novembre. – P. 1–3; 17 novembre. – P. 1–2; 18 novembre. – P. 1–3; 17 novembre. – P. 1–2.
33. *Bazancourt, baron de.* Noblesse oblige // La Presse. – 1843. – 20 avril. – P. 1–2; 21 avril. – P. 1–2; 22 avril. – P. 1–2; 23 avril. – P. 1–2; 24 avril. – P. 1–3; 25 avril. – P. 1–2; 29 avril. – P. 1–2; 30 avril. – P. 1–2; 3 mai. – P. 1–2; 4 mai. – P. 1–2; 5 mai. – P. 1–2; 7 mai. – P. 1–25; 8 mai. – P. 1–2; 9 mai. – P. 1–2; 10 mai. – P. 1–2; 11 mai. – P. 1–2.
34. *Bazancourt, baron de.* «Sous les grilles de fer mon âme s'est brisée...» // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1843. – T. VIII. – pp. 408.
35. *Bazancourt, baron de.* Un Dernier Souvenir. – Paris: Jules Laisné, 1839. – 2 vol.
36. *Bazancourt, baron de.* Un robe de noces // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1840. – T. II. – pp. 16–21; 28–34.
37. *Bazancourt, baron de.* Une maîtresse dans le grand monde // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1841. – T. IV. – pp. 404–412.
38. *Brix M.* Nerval journaliste (1826–1851): Problématique. Méthodes d'attribution. – Namur, Presses universitaires de Namur, 1989. – 615 p.
39. *Capefigue B.* La marquise du Châtelet et les amies des philosophes du XVIIIe siècle. – Paris: Amyot, 1868. – 202 p.
40. *Eyma L.-X.* Galerie populaire des contemporains illustres // Outre-mer. – 1840. – 12 mars. – N° 97. – P. 1–2.
41. *Figaro.* – Paris. – 1838. – 30 mai. – N° 228. – P. 1–4.
42. *Figaro.* – Paris. – 1838. – 3 juin. – N° 232. – P. 1–4.
43. *Figaro.* – Paris. – 1838. – 7 juin. – N° 236. – P. 1–4.
44. [*Gérard Ph.-L.*] Comte de Valmont, ou les Égarements de la raison. Lettres recueillies et publiées par M... – Paris: Moutard, 1774. – 3 vol.
45. *Heylli G. d'.* Dictionnaire des pseudonymes (2e éd., entièrement refondue et augmentée). – Paris: E. Dentu, 1869. – 421 p.
46. *Janzé A. de.* Etude et récits sur Alfred de Musset. – Paris, E. Plon, Nourrit, 1891. – 279 p.
47. [*Legrand P.*] Contrebande littéraire // L'Artiste: revue hebdomadaire du Nord de la France. – Lille. – 1850. – 21 juillet. – N° 7. – p. 49–53.

48. [Legrand P.] Contrebande littéraire // Le Daguerrototype théâtral. – Paris. – 1850. – 7 août. – № 17. – P. 1.
49. Legrand P. Contrebande littéraire // Mémoires de la Société des sciences, de l'agriculture et des arts de Lille. – Lille: Imprimerie de L. Danel, 1851. – P. 487–498.
50. Le nouveau roman de M. de Bazancour... // Le Courrier français. – 1839. – 16 avril. – № 106. – P. 4.
51. Montferrand de, Prompsault J.-H.-R. [Introduction] // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française. – Paris: Impr. Crapelet, 1843. – T. 1. – № 1. – P. 1–2.
52. Mullié Ch. Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II. – Paris: Poignavant, 1851. – 559 p.
53. Ouvrages contraires à la religion ou aux moeurs // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française. – Paris: Impr. Crapelet, 1845. – T. 3. – № 2. – P. 26–30.
54. Ouvrages contraires à la religion ou aux moeurs // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française. – Paris: Impr. Crapelet, 1845. – T. 3. – № 6. – P. 94–96.
55. Quérard J.-M. La littérature française contemporaine. XIXe siècle. T. I: ABB-BLE. – Paris: Daguin frères, 1842. – 631 p.
56. Quérard J.-M. Les auteurs déguisés de la littérature française au XIXe siècle. – Paris: Bureau du bibliothécaire, 1845. – 84 p.
57. Quérard J.-M. Les supercheries littéraires dévoilées. T. I. – Paris, 1847. – 600 p.
58. Quérard J.-M. Les supercheries littéraires dévoilées. T. IV. – Paris, 1852. – 668 p.
59. Quérard J.-M. Les supercheries littéraires dévoilées. T. V. – Paris, 1853. – 410 p.
60. Quérard J.-M., Brunet G., Jannet P. Les supercheries littéraires dévoilées. T. I. Party I. – Paris, 1869. – 1278 p.
61. Romans, contes et nouvelles // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française. – Paris: Impr. Crapelet, 1844. – T. 2. – № 7–8. – P. 105–116.
62. Séché L. Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe. – Paris: Mercure de France, 1909. – 302 p.
63. Villemessant H. de. Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1840. – T. II. – pp. 1–2.
64. Villemessant H. de. Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1840. – T. III. – pp. 1–2.
65. Villemessant H. de. Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1841. – T. IV. – pp. 1–3.
66. Villemessant H. de. Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1842. – T. VI. – pp. 1–2.

References

1. Bazankur, baron de. *Elena. Istorija odnoj opernoj lozhi* [Elena. The history of one opera box]. *Otechestvennye zapiski*, 1840, vol. XIII, no. 11, sect. III, pp. 15–44.
2. Dmitrieva E. E. *Romanticheskij geroj, geroj nashego vremeni, lishnij chelovek: k genealogii obraza* [A romantic hero, a hero of our time, an extra person: to the genealogy of the image]. *Mir Lermontova*. St. Petersburg, Skriptorium Publ., 2015, pp. 443–466.

3. Lermontov M. Ju. *Geroj nashego vremeni* [Hero of our time]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 227 p.
4. Makarova P. A. *Literaturnaja obstanovka vo Francii v 1840–1850-h gg.: zarozhdenie romana-fel'etona i vznikovenie populjarnoj belletristiki* [Literary situation in France in the 1840s–1850s: the birth of the feuilleton novel and the emergence of popular fiction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 2017, no. 3, pp. 168–190.
5. Mehtiev V. G. *Jesteticheskie i hudozhestvennye grani klassicheskoj tradicii* [Aesthetic and artistic facets of the classical tradition]. Habarovsk, Pacific State University Publ., 2018. 140 p.
6. Mil'china V. A. «*V nashi dni bol'shinstvo utok vvozitsja iz Rossijskoj imperii*»: ob odnoj gazetnoj novosti 1844 g. [“Today, most ducks are imported from the Russian Empire”: about one newspaper news in 1844]. *Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija»*, 2021, no. 1, pp. 225–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255.
7. Mil'china V. A. «*Literaturnaja prijazn'*» vo Francii i v Rossii: camaraderie littéraire i «*znamenitye druz'ja*» [“Literary affection” in France and in Russia: camaraderie littéraire and “famous friends”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 145, pp. 139–157.
8. *Mir Lermontova*. St. Petersburg, Skriptorium Publ., 2015. 976 p.
9. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' I. Junost' i pervyj roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part I. Youth and the first novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. T. 9 (75), no. 1, pp. 48–69.
10. Orehova L. A. *Obraz avtora i pojetika zhanra: Dis. ... d-ra filol. n.: 10.01.01; 10.01.08*. [The image of the author and the poetics of the genre. Thesis]. Simferopol, 1992. 328 p.
11. Pahsar'jan N. T. *O literaturnoj i sociokul'turnoj roli francuzskogo romana-fel'etona XIX veka* [On the literary and socio-cultural role of the French novel-feuilleton of the 19th century]. *XV ezhegodnaja bogoslovskaja konf. Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta: Mat-ly dokladov. Vol. 2*. Moscow, 2005, pp. 252–256.
12. Pahsar'jan N. T. *Francuzskij romantizm i genezis massovoj literatury* [French romanticism and the genesis of mass literature]. *Vestnik kul'turologii*, 2022, no. 3 (102), pp. 125–140.
13. *Russkaja literatura. Maj* [Russian literature. May]. *Otechestvennye zapiski*, vol. LII, sect. VI, pp. 75–134.
14. Speranskaja N. M. *Periodicheskie izdanija na francuzskom jazyke v Rossii v pervoj treti XIX veka* [Periodicals in French in Russia in the first third of the 19th century]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 332–347.
15. Speranskaja N. M. *Periodicheskie izdanija na francuzskom jazyke v Rossii v pervoj treti XIX veka* [Genre principles of the novel-feuilleton in France and the novel-serial in England]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 332–347.
16. *Jenciklopedičeskij slovar' Brokgauza i Efrona: Tom II A (4)* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: Volume IIA (4)]. St. Petersburg, Semenovskaja Tipolitografija Publ., 1895. 960 p.
17. Aron P. *Édouard Suau de Varennes. Les Mystères de Bruxelles* // *Anthologie des Mystères urbains* / dir. F. Katsanos, M. E. Thérenty, H. Waahlberg. – 2014. – P. 1–14.
18. Barante P. de. «*Les poésies et les récits...*» // *Arbouville, S. d'. Poésies et nouvelles*. [En 3 vols]. Vol. 1. Paris, Amyot, 1855, pp. I–XV.
19. Bazancourt, baron de. *A côté du bonheur*. Paris, Souverain H., 1845. 2 vol.
20. Bazancourt, baron de. *Couronne de fleurs* // *La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1843, vol. VII, pp. 21–24.

21. Bazancourt baron de. *Gardeur de buffles* // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1842, vol. VI, pp. 241–248; 257–262; 273–282; 289–295; 305–310; 321–330.
22. Bazancourt, baron de. *Gaston de Foix* // La Presse, 1838, 4 janvier, no. 185, pp. 3–4; 7 janvier, no. 188, pp. 2–4.
23. Bazancourt, baron de. *Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra* // La Presse, 1840, 24 septembre, pp. 1–2; 25 septembre, pp. 1–2; 26 septembre, pp. 1–3; 26 septembre, pp. 1–3.
24. Bazancourt, baron de. *Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra* // L'Écho des feuilletons: recueil de nouvelles, contes, anecdotes, épisodes, etc...: extraits de la presse contemporaine. Paris, 1845, pp. 5–21.
25. Bazancourt, baron de. *Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra* // Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts. St. Petersburg, 1840, vol. 36, pp. 96–129.
26. Bazancourt, baron de. *Hospice général à Dieppe* // Un diamant à dix facettes. Tome 2. Paris, Dumont, 1838, pp. 203–270.
27. Bazancourt, baron de. *Le jeu d'une coquette* // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1840, vol. III, pp. 39–47; 52–56; 64–70; 76–80; 89–96.
28. Bazancourt, baron de. *Le jeu d'une coquette: suivi de Louisa Dalmar*. Bruxelles; Meline, Cans et compagnie, 1841. 220 p.
29. Bazancourt, baron de. *L'escadron volant de la reine (1560)*. Bruxelles: J. P. Meline, 1836, vol. 1–2.
30. Bazancourt, baron de. *Louisa Dalmar* // La Presse. – 1840. – 15 décembre. – P. 1–2; 16 décembre. – P. 1–3; 17 décembre. – P. 1–3; 18 décembre. – P. 1–2; 19 décembre. – P. 1–2.
31. Bazancourt, baron de. *Louisa Dalmar* // Revue des feuilletons. Paris, 1841, pp. 214–240.
32. Bazancourt, baron de. *Mademoiselle de Senneville* // La Presse, 1841, 9 novembre, pp. 1–3; 10 novembre, pp. 1–2; 11 novembre, pp. 1–3; 12 novembre, pp. 1–3; 13 novembre, pp. 1–3; 14 novembre, pp. 1–3; 15 novembre, pp. 1–3; 16 novembre, pp. 1–3; 17 novembre, pp. 1–2; 18 novembre, pp. 1–3; 17 novembre, pp. 1–2.
33. Bazancourt, baron de. *Noblesse oblige* // La Presse, 1843, 20 avril, pp. 1–2; 21 avril, pp. 1–2; 22 avril, pp. 1–2; 23 avril, pp. 1–2; 24 avril, pp. 1–3; 25 avril, pp. 1–2; 29 avril, pp. 1–2; 30 avril, pp. 1–2; 3 mai, pp. 1–2; 4 mai, pp. 1–2; 5 mai, pp. 1–2; 7 mai, pp. 1–25; 8 mai, pp. 1–2; 9 mai, pp. 1–2; 10 mai, pp. 1–2; 11 mai, pp. 1–2.
34. Bazancourt, baron de. «*Sous les grilles de fer mon âme s'est brisée...*» // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1843, vol. VIII, pp. 408.
35. Bazancourt, baron de. *Un Dernier Souvenir*. Paris: Jules Laisné, 1839. 2 vol.
36. Bazancourt, baron de. *Un robe de noces* // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1840, vol. II, pp. 16–21; 28–34.
37. Bazancourt, baron de. *Une maîtresse dans le grand monde* // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1841, vol. IV, pp. 404–412.
38. Brix M. *Nerval journaliste (1826–1851): Problématique. Méthodes d'attribution*. Namur, Presses universitaires de Namur, 1989. 615 p.
39. Capefigue B. *La marquise du Châtelet et les amis des philosophes du XVIIIe siècle*. Paris: Amyot, 1868. 202 p.
40. Eyma L.-X. *Galerie populaire des contemporains illustres* // Outre-mer, 1840, 12 mars, no. 97, pp. 1–2.
41. *Figaro*. Paris, 1838, 30 mai, no. 228, pp. 1–4.
42. *Figaro*. Paris, 1838, 3 juin, no. 232. pp. 1–4.

43. *Figaro*. Paris, 1838, 7 juin, no. 236, pp. 1–4.
44. [Gérard Ph.-L.] *Comte de Valmont, ou les Égaréments de la raison. Lettres recueillies et publiées par M...* Paris, Moutard, 1774. 3 vol.
45. Heylli G. d'. *Dictionnaire des pseudonymes (2e éd., entièrement refondue et augmentée)*. Paris, E. Dentu, 1869. 421 p.
46. Janzé A. de. *Etude et récits sur Alfred de Musset*. Paris, E. Plon, Nourrit, 1891. 279 p.
47. [Légrand P.] *Contrebande littéraire // L'Artiste: revue hebdomadaire du Nord de la France*. Lille, 1850, 21 juillet, no. 7, pp. 49–53.
48. [Légrand P.] *Contrebande littéraire // Le Daguerrotypage théâtral*. Paris, 1850, 7 août, no. 17, p. 1.
49. *Légrand P. Contrebande littéraire // Mémoires de la Société des sciences, de l'agriculture et des arts de Lille*. Lille, Imprimerie de L. Danel, 1851, pp. 487–498.
50. *Le nouveau roman de M. de Bazancour...* // *Le Courrier français*, 1839, 16 avril, no. 106, pp. 4.
51. Montferrand de, Prompsault J.-H.-R. [Introduction] // *Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française*. Paris, Impr. Crapelet, 1843, vol. 1, no. 1, pp. 1–2.
52. Mullié Ch. *Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II*. Paris, Poignavant, 1851. 559 p.
53. *Ouvrages contraires à la religion ou aux moeurs // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française*. Paris, Impr. Crapelet, 1845, vol. 3, no. 2, pp. 26–30.
54. *Ouvrages contraires à la religion ou aux moeurs // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française*. Paris, Impr. Crapelet, 1845, vol. 3, no. 6, pp. 94–96.
55. Quérard J.-M. *La littérature française contemporaine. XIXe siècle. T. I: ABB-BLE*. Paris, Daguin frères, 1842. 631 p.
56. Quérard J.-M. *Les auteurs déguisés de la littérature française au XIXe siècle*. Paris, Bureau du bibliothécaire, 1845. 84 p.
57. Quérard J.-M. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. I*. Paris, 1847. 600 p.
58. Quérard J.-M. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. IV*. Paris, 1852. 668 p.
59. Quérard J.-M. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. V*. Paris, 1853. 410 p.
60. Quérard J.-M., Brunet G., Jannet P. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. I. Party I*. Paris, 1869. 1278 p.
61. *Romans, contes et nouvelles // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française*. Paris: Impr. Crapelet, 1844, vol. 2, no. 7–8, pp. 105–116.
62. Séché L. *Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe*. Paris, Mercure de France, 1909. 302 p.
63. Villemessant H. de. *Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1840, vol. II, pp. 1–2.
64. Villemessant H. de. *Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1840, vol. III, pp. 1–2.
65. Villemessant H. de. *Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1841, vol. IV, pp. 1–3.
66. Villemessant H. de. *Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1842, vol. VI, pp. 1–2.

**BARON DE BAZANCOURT:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART II. "FURIOUS" FEATURES OF THE NOVEL-FEULUETON**

Orekhov V. V.

Frederic Joseph de Bazancourt went down in history as a novelist, war correspondent, and historian of the Crimean War. The second part of the proposed article discusses the literary activity of Baron de Bazancourt in the late 1830s – early 1840s. During this period, the author managed to establish cooperation with well-known periodicals: *La Presse*, *Le Figaro*, *Le Messager des Chambres*, *La Sylphide*. In addition to theatrical reviews, Bazancourt posted his fiction texts here. An analysis of these works demonstrates that the writer was no stranger to artistic experiments in the direction of life writing and realistic typification, but on the whole he remained an adherent of the principles of "violent" romanticism. A significant influence on his works was the genre requirements of the novel-feuilleton, characteristic of "serial production" in general. This period of creativity allowed Baron de Bazancourt to expand his contacts in the world of journalism and literature, made his name known to a wide range of readers, but did not allow him to rise above the level of secondary fiction.

Key words: Baron de Bazancourt, feuilleton novel, violent romanticism, physiological essay, story cycle.